

Сказка о воре и бурой корове — эпизод 1 из 3

Гни сказку готовую, что дугу черемховую! Пей-ка коп{йка, пятакъ постой-ка, будетъ и на твою долю попойка! Гужи сыромятные, тяжи моржовые, шлея наборная, кобыла задорная -- пойдеть рысить черезъ пни, черезъ кочки, только держись супонь да мочки! Эхъ вы, любки, голубки, хвосты песты, головы ступки, что ноги ходки, хвосты долги, уши коротки, аль вы забыли, какъ прежде любили? Эхъ, съ горки на горку, дастъ баринъ на водку -- дастъ-ли, не дастъ-ли, а дома будемъ, дома будемъ, гостей не забудемъ! Эхъ, маленькіе, разудаленькіе, ударю! Гни сказку готовую, что дугу черемховую!

Погоди, Демьянъ, либо ты съ похм{ля, либо я пьянъ; а эдакъ гнать, добру не бывать: держи ты тройку на возжахъ, правъ толкомъ, да сказку сказывай тихомолкомъ; а то съ тобой чтобъ б{ды не нажить, чтобы сказкой твоей кого не зац{пить; ты сказкой о вор{и и бурой коров{ кому-нибудь напорешь и глазъ, не только брови! А ты кричи: поди, поди, берегися! zдетъ сказка тройкой, сторонися! Сказка моя въ добраго парня не м{титъ, а ледащаго не жаль, хоть и зац{пить! Жиль-быль подъ Нижнимъ подъ городомъ мужикъ; а съ нимъ и баба, а съ нею и д{ти -- семеро никакъ -- шестеро постарше, а одинъ помоложе вс{хъ. Покол{ мужикъ тотъ былъ въ пор{, такъ за всякую работу брался; я, говаривалъ онъ, слава Богу, челов{къ крещеный, такъ у меня руки отъ работы не отвалятся; а какъ состар{лся, такъ уже и не подъ силу стало; коли лапотки сплететь, лучины подъ св{тецъ надереть, такъ и на томъ спасибо. Было время, что онъ д{тей кормилъ, а нын{, д{ти его и кормятъ и поятъ; круговая порука! Старикъ д{тей своихъ шестерыхъ наставилъ и научилъ добру, и вышли они парни работающіе -- а на седьмомъ, на Ваньк{, оборвалось; не впрокъ пошло отцовское ученье; отбился, отшатнулся, и пошелъ своимъ проселкомъ, не доймешь его ни калиной, ни хворостиной! У него, чуть гд{ плохо лежитъ, то и брюхо болитъ; что ни взглянетъ, то и стянетъ! А самъ увалень, лежебокъ такой, что опричь разв{ за поживой, не шелохнется ни рукой, ни ногой. Какъ бывало въ воскресный денекъ, утромъ раннимъ ранешенько, покол{ народъ у заутрени, съ легкой руки, протянетъ пятерню, да сволочить у сос{да кушакъ, либо ножъ, либо, буде рука не дрогнетъ, колесо съ тел{ги, такъ и пошолъ на всю нед{лю, откол{ что берется! Ванька съ

малыхъ лѣтъ приучалъ себя къ этому ремеслу -- безъ выучки
и мастера, а безъ умения и пальца не согнешь. Онъ
хлебъ еще не умѣлъ спросить у матери, а самъ уже
тихомолкомъ руками за ломоть хватался. Бывало мать поставить удой молока
на семерыхъ, да ребятишекъ обсажаетъ на полу вокругъ, а онъ одинъ, въ
двѣ руки, да въ двѣ ложки уписываетъ -- не одной ложки мимо
рыла не пронесетъ; бывало отецъ привезетъ изъ Нижняго на всѣхъ
ребятишекъ по маковнику, а онъ сестрамъ и братьямъ пескомъ глаза
запорошитъ, да и поѣстъ все одинъ. Бывало положить самъ свои
рукавицы на полати, заползетъ съ печи, да и приноравливается, какъ-бы
поладнѣ ихъ стащить, чтобы и самому не увидать; бывало самъ у себя
портишки унесетъ да и схоронитъ, и ходитъ какъ мать на свѣтъ родила.
А когда только сталъ онъ своимъ языкомъ лепетать, слова выговаривать, такъ
первое слово сказалъ для почину, поговорку: лупи яичко, не сказывай, а
облупишь, не показывай; первую пѣсню запѣлъ про Русскаго
про Картуша, Ваньку Каина, первую сказку сказалъ про Стеньку Разина. Эй,
быть бычку на веревочкѣ! говаривали ему добрые люди; нашъ Ванька
не слушаетъ и ухомъ не ведетъ. Сталъ ему старшій братъ говорить: -- Ванька,
коли ты у меня еще что украдешь, такъ ткну я тебя въ рыло ногой, будешь ты
семь недѣль безъ одной, летѣть торчмя головой! Ванька
себѣ; на умѣ.